

Партия социалистов-революционеров как партия демократического социализма

Как ни парадоксально, старые советские и новые постсоветские мифы и оценки ПСР оказались очень живучими, и до сих пор хоть сколько-нибудь адекватного представления об этой партии в широком общественном сознании нет. Сейчас мало кто готов признать ПСР – партией демократического социализма, мало кто имеет о ней правильные представления, большинство видит в ней преимущественно партию террористическую, революционаристскую, почвенническую, сочетавшую в своей программе социалистические утопии и консервацию патриархальных пережитков, своим террором разжигавшую накал страстей в обществе, открывшую дорогу большевистскому террору, который трактуется как прямое и логическое продолжение эсеровского.

Один из довольно ярких примеров – это публикация в журнале «Дилетант» мнений Геннадия Гудкова, Николая Сванидзе, Андрея Левандовского и Сергея Митрохина, которым редакция задала вопрос – «Что было бы, если эсеры пришли к власти» (<http://www.diletant.ru/articles/18289447/>).

Самой адекватной, на наш взгляд, являлась точка зрения публициста Николая Сванидзе: «Это была самая популярная партия в России, это была крестьянская партия. Фактически Ленин у них украл свою крестьянскую программу. И тогда, если бы всё шло легально и легитимно, если бы Владимир Ильич Ленин не разогнал Учредительное собрание, то, конечно, эсеры были бы у власти. И тогда история могла бы развиваться совершенно по-другому. На мой взгляд, хуже быть не могло, чем было в реальности, поэтому так или иначе, наверное, было бы лучше».

Геннадий Гудков не верит в существенно другой ход развития истории, допускает лишь небольшие вариации и заявляет, что эсеры, получив власть, пошли бы по такому же пути, что и большевики, разве только действовали бы не так жестоко.

И если применительно к левым эсерам с такой логикой, хотя бы отчасти и с оговорками, можно согласиться, то применительно к ортодоксальным эсерам маловероятно, что они стали бы следовать той же схеме, что и большевики, так как хотели действовать через Учредительное Собрание, сохранить демократию и избежать гражданской войны. А эти позиции требуют уже совсем другого алгоритма действий.

Историк Андрей Левандовский заявил: «Партия эсеров никогда большой численностью не обладала – 100, 200, 300 тысяч человек. Для многомилли-

онной России это не так много». Дело даже не в том, что А. Левандовский не знает цифр, и ПСР осенью 1917 г. насчитывала более 1 млн. человек, а в том, что сила партии в обществе с неразвитой политической культурой, партии, только что вышедшей из подполья, да еще и во время революционных трансформаций – меряется не только и не столько числом ее членов. Это показали те же большевики, численность которых в это время была в три раза меньше, чем у эсеров. Кроме того, историк обходит сам факт победы эсеров на выборах в Учредительное Собрание и его значение.

Но самую неадекватную оценку ПСР дал Сергей Митрохин: «...они бы создали какую-то разновидность террористического государства. Может быть, не такого страшного, как большевики, поскольку у них были более демократические взгляды и лидеры. Но всё равно они ведь начали свою деятельность с терроризма.

...Кроме того, эсеры планировали безбуржуазный путь развития, то есть они отрицали вообще буржуазию как класс. Какими бы методами они её подавляли, находясь у власти, мы не знаем. Скорее всего, примерно такими же, как и большевики. Не давая возможности развиваться буржуазии, эсеры бы отбросили Россию с магистрального пути развития».

С. Митрохин делает типичную ошибку и сравнивает оппозиционный терроризм эсеров с государственным, красным террором, ставит знак равенства между ними, хотя они имели совершенно разную природу и цели. Представляется, что политик явно знаком с концепцией и взглядами эсеров весьма поверхностно и воспроизводит либеральные и советские стереотипы.

Надо совершенно не понимать менталитет и воззрения эсеров (по крайней мере, их подавляющей части), чтобы думать, будто они создали бы тоталитарное, террористическое государство.

Если бы Митрохин почитал хотя бы «Конструктивный социализм» Чернова, то он бы он увидел, что его схемы рождены стереотипным мышлением, вообще характерным для современных либералов.

Если бы он почитал доклады Авксентьева, Руднева, Вишняка и других т.н. «правых эсеров» на декабрьской конференции 1922 г. в Берлине, он сильно удивился бы, увидев, что они считали НЭП ублюдочной политикой, плодящей спекулятивную, а не производительную буржуазию, и выступали за возвращение «здорового капитализма» при одновременном максимальном развитии демократии, самоуправления, кооперации и совместной работы со всеми партиями, включая буржуазные.

Почему неправомерно считать политический терроризм эсеров главной характерной чертой этой массовой социалистической партии, входившей во 2-й Интернационал, имевшей в 1917 г. году более 1 млн. членов и победившей на выборах в Учредительное собрание с 58 процентами голосов?

Во-первых, не нужно смешивать «оппозиционный терроризм» с «государственным террором» и рассматривать революционный терроризм в качестве предтечи большевистского «красного», как это делает американский

историк Анна Гейфман¹ или О.В. Будницкий, который видит «генетическую связь» между «государственным террором, унесшим с 1917 года миллионы жизней» и «террором дореволюционным – как лево- и правоэкстремистским, так и правительственным»².

Подобное смешение оппозиционного терроризма и государственного террора представляется совершенно неверным, поскольку они отличаются как по своей природе, направленности, формам и методам действия, так и – отчасти – по задачам, которые призваны решать. К тому же, типаж и ментальность людей оппозиционного терроризма и государственного террора разный.

Если чуть упрощать, то оппозиционный терроризм – это продукт общества, а государственный террор – продукт власти. Общество и власть, оппозиционный терроризм и гос. террор, безусловно, тесно взаимосвязаны в своем противостоянии и друг на друга сильно влияют, но это по природе своей разные объекты.

Во-вторых, хотя эсеровскую партию многие воспринимали и воспринимают до сих пор как партию, прежде всего, террористическую, не следует преувеличивать значения террора для эсеровской партии. Уверенность самих эсеров-террористов, что «эсер без бомбы не эсер», не есть истина для характеристики всей партии в целом.

Эсеры, как до них и народовольцы, заявляли, что террористическая тактика должна быть прекращена при созыве Учредительного Собрания, что в свободной стране подобными методами политическую борьбу вести нельзя.

После 1911 г. террор угасает совсем, а многие эсеры разочаровались в нем. Все сильнее у эсеров укреплялось мнение, что массовая социалистическая партия не должна заниматься терроризмом.

Трудно согласиться и с устоявшимся в советской историографии тезисом, что «... партия эсеров провозгласила тактику заговора и индивидуального террора главным средством политической борьбы с царизмом...»³. Обвинения эсеров в заговорничестве носят, на наш взгляд, несколько преувеличенный и голословный характер. Террор рассматривался в качестве главного средства борьбы лишь группой «инициативного меньшинства», подобных же взглядов, особо их не афишируя, придерживались некоторые члены Боевой организации ПСР в 1903-1905 годах. Но подобную точку зрения никогда не разделяла ни значительная часть руководства партии, ни масса ее рядовых членов.

Как следует из резолюций III, IV, V Советов партии и статей всех видных эсеров – «народное вооруженное восстание» оставалось для ПСР

¹ Цит. по: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917. М., 1997. С.5.

² Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 358.

³ Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903-1917 гг. Л., 1978. С. 86.

единственным магистральным направлением будущей революции. Справедливости ради надо отметить, что Февральская революция в столице как раз и прошла по этому сценарию, т.к. выросла из слившихся и стимулировавших друг друга стихийных потоков – солдатских волнений и движения масс.

Еще одно из заблуждений – это оценка ПСР как партии прежде всего почвеннической. Самым традиционным и распространенным представлением среди политиков рубежа 19-20 веков, а потом и историков, была та, что центральным ядром народнической (и эсеровской) идеологии является вопрос об «особых путях» развития России – точка зрения, которая доминирует до сих пор.

Более обоснованной представляется позиция видного эсеровского публициста М.В.Вишняка, который уже в 50-е годы XX в. в статье «Оправдание народничества» оспаривал этот традиционный тезис: «Если говорить о главном или главнейшем признаке в идеологии народничества, на протяжении всей истории народничества он выражается в признании народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором – в меньшей степени в прошлом, в возрастающей степени в будущем»⁴. Не менее важным признаком народнической идеологии М.В.Вишняк считал подчеркивание ценности человеческой личности, ее свободы и создание демократического общественного устройства.

Эсеры были уверены, что ключевые ценности западной цивилизации, ставшие ценностями и европейского социализма: свобода личности, демократия и самоуправление – будут восприняты русским общинным крестьянством, в течение многих веков решавшим все вопросы на общинных (мирских) сходах. Эсеры, по сути дела, хотели «расконсервировать» демократический потенциал народа, обеспечить максимальное развитие приглушенных, но не подавленных до конца традиций народоправства, сохранившихся волею обстоятельств только на низовом уровне, но закрепленных в мировоззрении народа. Эсеры полагали, что освобожденные от внешнего диктата демократические традиции крестьянства при определенных условиях смогут перейти на более высокий уровень развития, став основой для превращения страны в подлинное демократическое общество.

Общинный колLECTИВИЗМ крестьянства и его отрицательное отношение к частной собственности на землю (земля ничья, Божья), по мнению В.М.Чернова, делали крестьянство восприимчивым к «социалистической прививке»⁵. Для эсеров, по словам В.М.Чернова, «...будущее земледелия рисовалось не в виде капиталистической, а в виде кооперативной эволюции», причем сама сельская община виделась им как «своеобразный элемент кооперации». По мнению В.М.Чернова, «самобытным» и чисто «национальным» в эсеровском социализме является лишь способ связать социалисти-

⁴ Вишняк М. Оправдание народничества // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 30. С. 232.

⁵ Чернов В. Упразднение народничества // Заветы. СПб, 1914. № 6. С.115-116.

ческие идеи с обычным правом, с естественным трудовым миросозерцанием русского крестьянства⁶.

О том, что ПСР была партией демократического социализма, свидетельствуют прежде всего идейные приоритеты эсеров: политические свободы и политическая демократия, в отстаивании которых ортодоксальная часть партии была вполне последовательна.

Ближе всего к идеям, ценностям и практике демократического социализма была по своим позициям центристская или «ортодоксальная» часть ПСР, символом которой всегда являлся В.М.Чернов, а также т.н. «правые эсеры» как из группы Авксентьева, Фондаминского, Руднева и др., так и вне ее – Брешко-Брешковская, Керенский, Аргунов, Лазарев и др., правоцентристы, вроде А.Р.Гоца, В.М.Зензинова (близкого к группе Авксентьева-Фондаминского), и левоцентристы, вроде Веденяпина, М.Лихача.

Но были в ПСР течения и группы, которые, как эсеры-максималисты, левые эсеры, и отчасти т.н. эсеры меньшинства, порой уходили от идей и практик демократического социализма, становясь союзниками коммунистов.

И здесь уместно процитировать М.Вишняка: «Среди этих диссидентов не только от партии с. р., но и от народничества вообще, были авантюристы и карьеристы, но были и по своему честные люди. В отходе этих последних от народничества можно видеть лишь подтверждение общего тезиса: идеология сама по себе ничего не предрешает, ни от чего не спасает, ничего и ни от чего не гарантирует»⁷.

Последнее до сих пор в нашем обществе осознано не в полной мере.

В.М.Чернов в уже в последней эмиграции констатировал: «Если нет полноты свободы без социализма, то нет и никакого социализма без полноты свободы... Социализм без общественной и личной свободы – не социализм вовсе, а только авторитарная казарма или каторга»⁸.

Последние эсеры и меньшевики в эмиграции пытались вступить в Социнтерн и горячо поддержали Франкфуртскую платформу «демократического социализма», а в 1952 г. 14 русских социалистов – эсеров и меньшевиков (Р.Абрамович, В.Александрова, П.Берлин, М.Вишняк, С.Волин, Ю.Денике, М.Джемс, В.Зензинов, Б.Николаевский, М.Хиной, В.Чернов, С.Шварц, Д.Шуб, Е.Юревский) – приняли совместное обращение «На пути к единой социалистической партии», считая, что настало время ее создания⁹.

В Обращении говорилось о неизбежном крахе большевистского режима и делался экскурс в историю существования двух ветвей социализма, причем констатировалось, что все предыдущие споры уже разрешены самой историей: «Теперь уже не может быть сомнения в том, что «социализм» без

⁶ Чернов В. Конструктивный социализм. М., 1997. С. 121.

⁷ Вишняк М. Ук. соч. С. 237.

⁸ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 66. Л. 57, 58-59.

⁹ На пути к единой социалистической партии//Социалистический вестник. 1952. № 3.

свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры о взаимоотношении между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое определение социализма. Как говорил Вандервельде: «Социализм будет социализмом свободных людей или его вовсе не будет»¹⁰.

Эсеровская и меньшевистская эмиграция не дожила до падения коммунистического режима и не сумела передать светильник идей и традиций из рук в руки последователям демократического социализма. Их надежды, что в России возникнет единая социалистическая партия, которая станет наследницей традиций и идей обеих ветвей русского социализма, не сбылись.

Но значение этого Обращения в том, что последние представители обеих ветвей русского социализма отказались от былых идеиных разногласий и признали себя верными идеям и традициям демократического социализма, констатировав, что демократия «входит в самое определение социализма».

Соглашаясь в целом с выводом отечественного историка Н.Д.Ерофеева, что «эсеровская модель социализма была российским вариантом демократического социализма»¹¹, подчеркнем, что эсеры-максималисты и отчасти левые эсеры вышли за рамки демократического социализма.

Корни этого явления были верно подмечены В.М.Черновым еще в 1910 г., когда он отмечал: «Многие элементы, характеризующиеся нетерпеливым, резко-революционным и непримиримым темпераментом, которым естественнее всего было бы примкнуть к анархизму, шли в ряды ПСР, моральный и политический престиж которой был высоко поднят в глазах публики рядом громких деяний. ...Они-то и явились впоследствии в партии теми центробежными силами, которым не хватало только лидеров для того, чтобы выделиться в особую фракцию или даже в новую партию»¹².

Подчеркнем также свойственный ПСР и характерный для партий демократического социализма философский плюрализм и веротерпимость, которые отличали ее от большевистской «партии нового типа», строго централизованной с наличием харизматического лидера и культивируемой жесткой дисциплиной – своеобразного «ордена меченосцев» (оговоримся, что эти черты и тенденции получили завершение лишь после 1917 года).

По точному замечанию А.Д.Синявского, сделанному им по другому поводу и много десятилетий спустя, «...по самому психологическому складу авторитарное направление более партийно, дисциплинированно, прямоли-

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. М., 1996. С. 7.

¹² Чернов В. К характеристике максимализма // Социалист-революционер. Париж, 1910. № 1. С. 178.

нейно, более повинуется авторитету «вождя», нежели демократы, которым по природе свойственны терпимость, плюрализм, разномыслие»¹³.

Знаменитая эсеровская «веротерпимость» выражалась не только в признании права каждого члена партии иметь и пропагандировать свой взгляд по программным и тактическим вопросам (но при сохранении единства действий и без перехода от слов к действию), но еще и в том, что, в отличие от социал-демократов, у эсеров не существовало единой, обязательной для всех членов партии социальной философии. Считалось достаточным признавать программу и тактику партии и исповедовать любую философскую систему: от позитивизма до неокантианства. Немало среди эсеров было и верующих людей. Таким образом они совмещали эти ценности – их личное дело. В.М.Чернов отмечал: «У нас нет казенной философии, а, следовательно, нет и должности действительного статского философа ПСР»¹⁴.

Причины идеиной неоднородности ПСР разнообразны. Прежде всего, изначальной и постоянно действующей установкой было стремление объединить все оттенки народничества, принимать в партию всех признающих ее политическую платформу и подчиняющихся партийным решениям. Уже в момент своего возникновения ПСР вобрала в себя группы и организации с достаточно большой пестротой взглядов. С самого начала в ней оказались представители нескольких генераций: старых народников и народовольцев, участников народовольческих кружков 80-90-х годов, бывших социал-демократов и молодежи, чье мировоззрение формировалось уже как собственно эсеровское. Разброс взглядов был весьма велик, особенно в первое время существования ПСР. Позднее он несколько сгладился за счет распространения эсеровской «ортодоксии», закрепленной в программе ПСР и одобренной I партийным съездом, но отнюдь не исчез. В ПСР почти на всех ее организационных уровнях, включая средний и верхний, можно было найти людей, чье миросозерцание было скорее либеральным, чем социалистическим, людей с ярко выраженным анархистскими взглядами, бывших с.-д. с неизжитыми остатками марксистской доктрины, народников и народовольцев, чьи взгляды представляли порой причудливое сочетание фрагментов разных идеологий и теорий, причем доминантной мог быть и марксизм, и анархизм, и политический радикализм либерального толка. Классифицировать все оттенки мировоззрений в эсеровской среде затруднялись даже сами эсеры.

Примечательны слова А.А. Биценко об обитательницах Мальцевской каторжной тюрьмы: «Помню, как не раз мы умилялись столь великому разнообразию. «Подумайте, какое богатство! Что ни с.-р., то особая индивидуальность! Какая роскошь!» А вместе с этой роскошью получалась и другая: что ни с.-р., то особый «оттенок» в теоретическом обосновании программы, тактики и в частности террора, или уж вовсе совсем особое, такое

¹³ Синявский А.Д. Диссидентство как личный опыт // Книжное обозрение «Ex libris НГ». 1997. № 3. 6 марта. С. 3.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 65. Л. 98.

своеобразное миросозерцание с вытекающим из него своим обоснованием деятельности»¹⁵.

Представляется, что «интегрализм» эсеровского миросозерцания, неоднократно критикуемый за «идейную окрошку», нельзя оценивать однозначно и прямолинейно. Действительно, с одной стороны, в жизни эсеровской партии он сыграл до некоторой степени отрицательную роль – создавая предпосылки для фракционного размежевания (впрочем, причины этих процессов ни в коем случае нельзя сводить только к идеяным разногласиям). Но, с другой стороны, отсутствие единой, «казенной» партийной философии и самое главное – широкие рамки для мировоззренческих поисков, давали возможность всем желающим искать и находить схемы и решения, более адекватно отражающие явления многообразного и сложного мира, не укладывающиеся и до сих пор ни в одну придуманную теорию.

Ю. Денике в 1953 г. справедливо отмечал: «Партия социалистов-революционеров, одним из лидеров и главным теоретиком которой был В.М.Чернов, была по крайней мере относительно и в принципе чужда догматизму. В пределах общей социальной и политической программы партия допускала большие различия мнений, философских взглядов, теоретических предпосылок. Она тяготела к широте, а не к исключительности»¹⁶.

Главенствующими тенденциями в организационном строительстве ПСР были широкое распространение начал федеративности вплоть до автономии, приверженность значительной части членов партии демократическим принципам организационного устройства и готовность отстаивать их против поползновений «центра». Полновластного харизматического «универсального лидера» у эсеров не было, да, вероятно, и не могло быть.

В конце своей жизни социолог с мировым именем П.А.Сорокин так объяснял свой юношеский выбор в пользу эсеров: «В противоположность социал-демократам эсеры претендовали на роль партии всех трудящихся классов – крестьян, рабочих и интеллигенции. В отличие от марксистского материализма и экономической интерпретации человека и истории философия и социология эсеров были в большей степени интегральными и идеалистическими. Они особо подчеркивали роль творческих идей, волеизъявления, «борьбы за индивидуальность» против «борьбы за существование», значимость неэкономических факторов, детерминирующих социальные процессы и человеческое поведение»¹⁷.

Близкой идеям и практике дем. социализма ПСР делало признание ею огромнейшего значения и приоритетность в практической деятельности самоуправления, кооперации и профсоюзов как форм самоорганизации народа и подготовки будущих основ социализма, коллективистской психологии и необходимых управлеченческих навыков.

¹⁵ Биценко А. В Мальцевской. С. 193-194.

¹⁶ Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. Кн. 35. С. 313.

¹⁷ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 6-7.

Представляется крайне интересным, что еще весной 1907 г. в инструкции руководства партии местным работникам, где рассказывалось о целях, задачах, способах организации, агитации и деятельности Крестьянского Союза ПСР, содержалась также «Программа вопросов для ознакомления пропагандистов с местными условиями». По сути дела, партийным работникам предлагалось провести своеобразный социологический опрос среди крестьян, состоявший из 60 вопросов, разбитых на 10 блоков. Прежде всего, партработник должен был собрать ответы на 25 вопросов, рисующих социально-экономический портрет данной деревни. Часть из девяти разделов носила названия, говорящие сами за себя: Власти, Попы, Помещики, Кулаки, Борьба, Война, Литература. Вопросы выясняли как фактическое положение, так и мнение крестьян по этим и другим вопросам.

Без сомнения, при подробном ответе на вопросник можно было получить очень детальную картину жизни села, различных его социальных групп, их психологии и взглядов, а также отношения крестьян к «ближней власти» – местному начальству, попам, помещикам, кулакам. Но особенно интересно, что эсеры пытались выяснить у крестьян их мнение и по таким вопросам: «Нужна ли постоянная армия и чем ее можно заменить», «Что думают о Государственной Думе и о народных представителях», «Какое нужно законо-дательное собрание и как в него выбирать уполномоченных», «Кто должен заведовать расходованием казенных денег и как об этом получать отчет», «Что думают и знают о настоящем положении России», «Что может случиться», «Что нужно делать»¹⁸. Такая попытка эсеров наладить «обратную связь» с крестьянством и учитывать его взгляды и мнения представляется весьма характерной и важной. Не менее любопытно, что на одном из заседаний ЦК ПСР в октябре 1907 г. – совместно с двумя уполномоченными ЦК и «областником» с Украины – кем-то из последних было сказано о желании крестьян «самим разобраться в существующих на местах земельных отношениях в целях составления ими конкретного плана социализации земли». Впрочем, ЦК нашел это «полезным лишь в том случае, когда этой работой руководит сверху специальная группа лиц и освещает крестьянам необходимость общей постановки вопроса»¹⁹.

Также особо подчеркнем важность эсеровской концепции «триединого рабочего класса», включающей пролетариат, трудовую интеллигенцию и трудовое крестьянство. Эта концепция предвосхитила взгляды европейской социал-демократии, впоследствии отказавшейся от прежней абсолютизации значения пролетариата.

В.М.Чернов позже подчеркивал: «Вообще П.С.-Р. полагала, что наподобие того, как в лагере «старого порядка» самодержавная бюрократия является соединительным звеном между поместным землевладением и новою буржуазией – так в лагере революции призвание социалистической интел-

¹⁸ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 164. Л. 2-8 об.

¹⁹ МИСИ. Архив ПСР. 152.

лигенции стать таким же соединительным звеном между пролетариатом индустрии и трудовым крестьянством деревень. Партия С.-Р. и прилагала все усилия к тому, чтобы стать организованным триединством, соединяющим в лагере Труда – труд интеллектуальный с физическим, и индустриально-пролетарский с крестьянско-земледельческим»²⁰.

К сожалению, потенциал эсеровской партии как партии демократического социализма оказался в силу целого ряда объективных и субъективных причин не реализован.

Но, несмотря на некоторый утопический элемент, на практике от действий эсеров по защите политических свобод и прав, от реальной и энергичной работы по пропаганде самоуправления, институтов и практики демократии и парламентаризма, по развитию муниципалитетов в городах и производительной с/х кооперации, по поддержке профсоюзов в защите своих прав перед работодателями – была огромная польза.

Как представляется, не утопические элементы эсеровских воззрений важны, а именно большая практическая работа эсеров, которая могла способствовать превращению России в развитое европейское общество, в котором люди были бы значительно более свободолюбивы, инициативны и защищены законом, чем в советском, да и в современном обществе.

²⁰ Hoover Institution Archives. Collection B.Nicolaevsky. Box 10. F.5